ТЕАТР ОДНОГО АКТЕРА

3 ВУКИ гитары. Мелодия задумчивых негритянских напевов. Стихи Ленгстона Хьюза. Молодой актер в черном свитере и черных брюках появился перед зрителем:

Крутится-колесико у меня в груди,
у меня в груди...
Он снял с головы канотье и стал им как бы жонглировать:
Это горю горестно у меня в груди,
у меня в груди...

У меня в груди...
Он сделал два жеста рукой, повернулся, подбросил канотье:
Это счастье радостно у меня в груди,
у меня в груди...

У меня в груди...
И мы увидели доброго, веселого человека с черным цветом кожи. Вот он объясняет, почему черный шут — посмешище для глупых людей; почему лучше доллар в кулаке, чем у дяди в банке; почему за черную работу ты получаешь только корку хлеба и воду. Иногда озорная улыбка, иногда почти детская радость, а иногда и печаль ложатся на это лицо; но человек не сдается. Он пришел в ломбард, принес одну вещь, другую, третью... Наконец он принес свою любимую, единственную драгоценность — гита-

ру. Но хозяин ломбарда поставил два шара против одного, что черный человек ничего за это не получит.

Крутится-колесико у меня в груди,
у меня в груди, у меня в груди...

Актер рассказывает, а мы видим и гитару в ломбарде, и веревку, которую наматывает себе на шею черный человек, чтобы повеситься в безысходную минуту, и цветы, которые он собирается разводить перед тем, как уйти из жизни.

...Актер сменил черный костюм на хлопковую залатанную рубашку. Опять звуки гитары, но это уже армянская мелодия. Рассказ Уильяма Сарояна «Поездка в Ханфорд». Анатолий Шагинян поудобнее устраивается на стуле, взглядывает в лица... Нет, не в лица зрителей, а в лица тех, кто составляет бедную армянскую семью, живущую в США. Маленькие и большие внуки старого дедушки живут одной мечтой — как бы найти работу, чтобы в тарелке, кроме риса с во-

дой, было бы еще хоть что-то. Здесь у актера на первый план выходит песня, ибо это рассказ о человеке, имеющем замечательный голос, о человеке, который пел, не желая идти на заработки ради заработков, потому что песня — его жизнь.

...И наконец — третье отделение.

Баллады, стихи и памфлеты немца-антифашиста Бертольда Брехта, —

еще из-за кулис мы слышим эти слова. Немец, бывший солдат, рассказывает о войне. Поношенная солдатская униформа, на гитаре болтается старый походный котелок: может, кто-то бросит копеечку... Почему его заставили воевать? Потому что он был равнодушным, и его равнодушие позволило пустить корни этому страшному явлению на земле — фашизму...

Именно с Брехта начинал свое выступление пять лет назад на ленинградской сцене Анатолий Шагинян. Завоевав звание лауреата Всесоюзного конкурса акте-

ров, он как бы утвердил право на существование театра одного актера.

После концерта ему обычно задают вопросы, самые разные. Артиста больше всего волнует тема победы в борьбе за справедливость. Ему есть что рассказать.

...Говорят, что самые незабываемые воспоминания это воспоминания детства. Анатолию есть что вспомнить. Вместе с матерью он оказался на оккупированной земле, потом — концлагерь. Возвращение в Ленинград было трудным. Когда позволил возраст, Анатолий ушел на флот юнгой. Здесь он выбрал себе самого главного друга — книгу. После армии — студия ТЮЗа, потому что театр есть частица литературы, которая стала его второй жизнью.

Студия Александра Александровича Брянцева научила понимать искусство, а Леонид Федорович Макарьев, которого молодой актер считал своим первым учителем, воспитал в Анатолии умение выстраивать жизнь обра-

за, научил глубоко мыслить на сцене. И только один предмет не давался студийцу — сценическое движение. Был страх перед упражнениями, не было нужной легкости. Шагинян решил во что бы то ни стало преодолеть в себе пластическую неумелость. Уже закончив студию, он занимается пантомимой в коллективе самодеятельности. Тогда зародились первые мысли о соединении пантомимы со словом.

Выступления на сцене ТЮЗа и Малого драматического театра были успешными, но Шагинян все время ощущал творческую неудовлетворенность. Он мечтал о своем спектакле, пронизанном ненавистью к войне. Так он пришел к Брехту. Так потом встретился с Сарояном. Так, продолжая поиски своего театра, осуществили третью программу: «Жизнь — это танец» Моравиа. Выступил Ша-

гинян и с программой поэтической. В «Песни людские» вошли стихи Превера, Галчинского, Ашкенази, Шераза, Хикмета, Бернса, Гете, Гильена.

Поиски, поиски, поиски. Он автор своих программ, режиссер своего театра, он исполнитель. Сейчас готовит очередную премьеру: это будет рассказ о советском человеке по мотивам произведений разных писателей.

Когда видишь Шагиняна на сцене, понимаешь, почему он выбрал именно такой театр. Ему, пожалуй, помешают и декорации, и бутафория, ему помешали бы партнеры и массовые сцены. Он хочет, чтобы актер на сцене был единственным «материалом изображения». Но это трудно, очень трудно, поэтому Шагинян, как он сам шутя говорит, сделал себя «подопытным кроликом». Однако интересно, что актеры, которые с-

ним работают (В. Федоров, А. Михайлова), актеры разных театров, очень быстро понимают режиссера Шагиняна и входят в его программы, не нарушая ансамбля.

Поражает в спектаклях А. Шагиняна умение создать атмосферу жизни, умение найти точный национальный колорит. Но самое главное — это искренность, страстность и публицистичность. Его программы выходят за рамки мелких бытовых тем, его волнуют проблемы, которыми живут сегодня люди и у нас, и за рубежом. Вот почему артиста так часто приглашают в студенческие общежития, где иностранные студенты, плохо владеющие русским языком, Шагиняна понимают отлично.

Он любит маленькие аудитории. Здесь легче зажечь мысль зрителей, сделать их участниками спектакля. Давно уже идут разговоры в Ленинграде о необходимости создать площадку для артистов, работающих в жанре театра одного актера. Сделать это необходимо, ибо в нашем городе этот жанр имеет хороших представителей, и один из них — Анатолий Шагинян.

Р. АЗЕРАН

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ